

Op84
П81
А-401991

12+

Николай Прошин

ТРОИЦА
ОТ ОТЦА

0084
1781
0084

Николай Пронин

84(2=НН.2)64

ТРОИЦА ОТ ОТЦА

А-НО1991

ОБЯЗАТЕЛЬНЫЙ
ЭКЗЕМПЛЯР

Государственное бюджетное
учреждение культуры
«Оренбургская областная универсальная
научная библиотека им. Н.К. Крупской»

Оренбург
2023

КР

Николай Матвеевич Пронин (1923–1999) родился в крестьянской семье, обосновавшейся после переселения из Самарской губернии на Алтае. В неполные 18 лет ушел на фронт и воевал до самой Победы. После войны окончил факультет журналистики Уральского государственного университета имени М. Горького, работал в газете Оренбургского района «Вперед к коммунизму», в областной газете «Южный Урал», затем четверть века – в редакции областного радио. Кандидат исторических наук. Автор вышедших в московских издательствах в советские годы книг «Русский из Дрокура» – о герое французского Сопротивления Василии Порике – и «Французские тетради лейтенанта Рябова».

В эту книгу, изданную благодаря стараниям сына Николая Матвеевича, известного оренбургского врача Олега Николаевича Пронина, вошли документальные повести о Великой Отечественной войне и неоконченная повесть о раскулачивании семьи Прониных, а также несколько рассказов.

ФРАНЦУЗСКИЕ ТЕТРАДИ ЛЕЙТЕНАНТА РЯБОВА

Документальная повесть

Пролог

Он появляется на стройке регулярно, раз в неделю, обычно во второй половине дня. Совсем седой, с глубокой сеткой морщин на лице, но еще статный, прямой, высокий. Он шагает по площадке, ко всему внимательно приглядываясь, словно проверяя, что сделано за то время, пока он отсутствовал, как продвинулись дела на объектах. Спускается в котлованы, вслушивается в трескотню компрессоров, гул бульдозеров, экскаваторов, многоголосый говор строителей... Подолгу вчитывается в надписи на монтируемом оборудовании всевозможных фирм, покачивает головой, удивленный сложностью машин и механизмов, их размерами. А когда устанет, идет к вагончику, в котором размещаются работающие на стройке французские специалисты, или, как их зовут здесь, шеф-пурьены, умиротворенный садится на скамейку, вслушиваясь в доносившуюся до него через открытую дверь французскую речь, чему-то улыбается...

В Оренбурге много других строек. Почему же он выбрал именно эту, возводимую в сорока километрах от города, в степи, недалеко от границы Европы и Азии, куда и добираться приходится долго, попутным транспортом? И чему улыбается, слушая непривычную для здешних мест французскую речь?

На стройке его знают. И когда я заговорил о нем с прорабом, тот задумчиво сказал:

– Этот человек – частый гость у нас. Хотите знать, кто он? О, это целая история... Познакомить с ним? – И, не дожидаясь ответа, подвел меня к все еще сидящему у вагончика седому мужчине, представил: – Иван Васильевич Рябов...

Стоило только нам начать разговор, как я сразу понял, почему прораб считает, что эта строительная площадка для Ивана Васильевича – не рядовой объект. В годы Второй мировой войны Рябов сражался во Франции, командовал русскими партизанскими отрядами, узнал и полюбил простой народ этой страны. И мирный объект, возводящийся под Оренбургом с помощью французских специалистов, предстал как символ продолжающейся дружбы двух народов...

В первый вечер мы проговорили допоздна... И если бы не документы, письма товарищей по Сопротивлению, боевые награды Франции и СССР, в то, о чем рассказывал мне Рябов, трудно было бы поверить. Не единожды говорили мы и потом. Я написал и опубликовал об Иване Васильевиче очерк. Однако оставалось ощущение, что что-то не доделал, не довел до конца. И я продолжал сбор материалов, еще что-то уточнял, до чего-то старался докопаться. Однажды смущенно и чуточку краснея, словно сообщая о себе нечто предосудительное, Рябов признался:

– Вообще-то во Франции я вел дневник. Может быть, он поможет вам? – И тут же забеспокоился: – Только вот разберетесь ли в записях? Ведь им тоже досталось немало!

С этими словами он вынул из шкафа сверток, развязал крест-накрест перевязанную бечевкой серую оберточную бумагу и подал мне несколько пухлых тетрадей в коричневых клеенчатых корках. Страницы их были испещрены убористым почерком, от времени пожелтели, пожухли, скрючились, как кожура бобовых стручков. Кое-где бумага оказалась подмоченной, местами клеилась. Читать их было трудно и потому, что то и дело встречались сокращения, вместо имен стояли лишь инициалы, а то и отдельные, на первый взгляд,

произвольно взятые буквы. Расшифровка всех этих загадок потребовала немало времени... Но в конце концов оказалось, что записи стоили этих больших затрат.

Кроме дневников, в архиве Рябова отыскалось несколько его личных заметок, связанных с пребыванием во Франции, которые Иван Васильевич подготовил по памяти после войны. Много для восстановления давних событий дали мне его нынешние воспоминания, а также работа в архивных учреждениях страны, переписка и встречи с его товарищами по борьбе в рядах французского Сопротивления.

Повесть «Французские тетради лейтенанта Рябова» документальна. И если ныне действующие лица выступают не всегда под своими, а под вымышленными именами (этого требовали в те времена строжайшие условия конспирации), то, по возможности, в большинстве случаев псевдонимы расшифровываются. Так, самого Ивана Васильевича в подполье и в партизанском отряде знали как Александра Колесника...

ТЕТРАДЬ ПЕРВАЯ

«3 января 1944 года.»

Наконец-то мы вырвались на свободу. Идем на запад, к Атлантическому побережью, в район города Дуллана. Там намечено создать базу для будущего партизанского отряда. Там собираются русские парни, бежавшие из разных лагерей военнопленных и так называемых «перемещенных» лиц, то есть из лагерей, где размещаются угнанные фашистами из родных мест молодые люди для работы на шахтах, военных предприятиях, строительстве военных сооружений. Нас ведет французенка Андреа – связная, проводница местного подполья.

Идем медленно, обычно по утрам и вечерам. Мои спутники Николай и Геращенко ворчат: «Плетемся как черепахи». Однако я думаю, что время для нашего передвижения Андреа выбирает не случайно, именно в эти часы на дорогах особенно многолюдно, и мы меньше привлекаем внимания».

(Из дневника Александра Колесника – Ивана Рябова).

* * *

В конце недели Андреа вдруг изменила своему правилу. Утром, едва группа Александра Колесника вышла из села, повалил мокрый снег, по земле поплыла белесая мгла. В такую погоду порядочный хозяин собаку из дома не выгонит, а они шли и шли... Шли весь день. Под вечер впереди в полумраке стали проступать какие-то пятна. «Боваль!» – почему-то шепотом объявила Андреа. И они затоптались на месте, словно перед препятствием.

Об этом селе они уже кое-что слышали. Андреа рассказывала, что рядом с селом ведется секретное строительство, в Бовали полно немцев. А дальше мост. Ночью через него не пройти. Поэтому ночевать им придется в селе. И хотя в темноте на улицах Бовали они не встретили ни одного немца, но, несомненно, ощущали их присутствие... Тревожную ночь провели у фермера, знакомого Андреа. Рано утром, когда они подошли к берегу реки, от моста уже тянулся длинный шлейф из автомашин и телег. Все ждали, когда наступит час переправы...

Но вот из будки вышел мордастый фельдфебель, зевнул, лениво махнул рукой солдату. Тут же поднялся шлагбаум, и с обоих берегов реки навстречу друг другу одновременно ринулись машины, повозки и люди. Документы проверяли наспех, и им удалось проскочить мост без помех. Настроение у Андреа сразу поднялось, напряжение с лица спало. «Теперь всё, – сказала она весело, – теперь мы у цели». И впервые за всю дорогу улыбнулась.

На хутор Левиконь беглецы пришли в полдень. Но по земле все еще плыл белый, словно молоко, туман. Наверное, они и так бы проскочили хутор незамеченными, однако Андреа повела их задами, через сады, огороды. На ферму господина Булена они проникли с тыла. Миновав какие-то постройки, подошли к длинному помещению, напоминающему склад. Как потом выяснилось, это был коровник. По узкой лестнице поднялись наверх, попали в мансардную комнату, словно ласточкино гнездо прилепившуюся к крыше хлева. Первым, кого они увидели здесь, был Петриченко. Он что-то разыскивал в ворохе сваленной в углу сбруи. На скрип двери круто повернулся, увидев гостей, в первую минуту оторопел, заморгал глазами, видимо, еще не веря в реальность происходящего. Но тут же его лицо расплылось в улыбке. Со словами: «Кого я вижу! Наконец-то! А то мы уже все жданки поели, ёлки-моталки» – кинулся к гостям, принялся их обнимать.

Когда очередь дошла до их спутницы, Петриченко развел руками:

– Ну а вас, дорогая Андреа, не только обнять, расцеловать мало!

– Учтите, что на это рассчитывают и другие, – подал голос Николай.

Петриченко круто повернулся в его сторону, весело мотнул головой.

– Ты смотри, едва выбрался из клетки, а уже облюбовал девушку, и какую! Ну, орел...

Все заулыбались, у Андреа во все щеки вспыхнул румянец. Петриченко бережно пожал ей руку, помог снять пальто, усадил поближе к голландке, ласково сказал: «Отогревайтесь» – и, бросив на товарищей удивленный взгляд, ворчливо обронил:

– А вы чего дожидаетесь? Раздевайтесь – и к столу!

И тут же засуетился: куда-то убегал, возвращался, что-то приносил, ставил на стол, между делом окидывал гостей

изучающим взглядом, недовольно крутил головой – видимо, что-то в них ему не нравилось.

В этот момент ему очень хотелось угостить их, угостить, что называется, на славу, но где и что возьмешь в такое голодное время? Впрочем, на столе появился сыр домашнего приготовления, крохотный кусочек ветчины, вино, без которого не обходятся французы. Это уже немало! Петриченко поднял рюмку, снова окинул товарищей радостно-возбужденным взглядом и с волнением сказал:

– За встречу, друзья, за свободу!

Они выпили. Вероятно, от непривычки, от слабости у Александра закружилась голова.

Андреа только чуть-чуть смочила губы и, смешно сморщив нос, тут же поставила рюмку на стол, поднялась со своего места, несмело объявила:

– Ну, мне пора возвращаться, а то дома уже заждались... Сегодня бы до Бовали добраться, а там будет легче...

Они мысленно представили только что пройденный путь и согласились: да, это действительно, пожалуй, самый опасный участок дороги... Петриченко незаметно сунул в карман пальто Андреа какой-то сверток, а Николай неуверенно предложил:

– Может быть, я вас провожу?

Девушка минуту колебалась, но затем решительно отказалась.

– Нет, одна я лучше проскочу хутор незамеченной.

Они распрощались с ней, пожелали ей всяческих благ. Вместе с Андреа выскользнул из комнаты и Николай, но тут же, смущенный, вернулся назад. Петриченко внимательно посмотрел на него, задумчиво обронил:

– Многим я обязан этой девушке. Если бы не Андреа, ещё неизвестно, был бы я здесь...

– Разве и тебя она тоже вела сюда? – спросил Геращенко.

– Она!

Что-то вспомнив, Петриченко улыбнулся, добавил.

– Если рассказать, как я добирался до хутора без документов, – не поверите. Целая одиссея!

В эту минуту внизу что-то скрипнуло, кажется ворота ограды, слышалась французская речь. Петриченко выглянул в окно, нахмурился:

– Хозяин прикатил! Вот тебе и поговорили. Ну да ничего, это даже к лучшему: скоро ребята вернутся, тогда разом и потолкуем. Ночь в нашем распоряжении... Вы отдыхайте, а я пойду, у меня еще дела.

– А если хозяин к нам заглянет да поинтересуется, кто мы такие? – спросил Геращенко.

– По документам вы кто? – в свою очередь спросил Петриченко.

– Поляки-эмигранты!

– Поздравляю, – улыбнулся он, – мы тоже выдаем себя за них. Господин Булен, правда, догадывается, что мы за поляки, но я думаю, что все будет в порядке. Он человек хороший. Так что отдыхайте спокойно!

* * *

Немного повозившись, Николай и Геращенко вскоре утихли, а глаза Александра продолжали изучать мансарду... Вид ее был довольно убогим: наклонный потолок с закопченными балками, из которых торчали какие-то крюки, давно не беленые стены; посреди комнаты – колченогий стол, несколько грубо сколоченных табуреток. Справа от двери сиротливо прижалась к стене обшарпанная, отслужившая век и потому выброшенная из хозяйской квартиры кушетка. Когда открывалась дверь, было слышно, как внизу вздыхали, жуя жвачку, коровы, где-то кудахтали куры, хрюкали свиньи. В мансарду врывался запах навоза, сена и парного молока. Стояла та удивительная тишина и давно забытый сельский покой, которые

Конец ознакомительного фрагмента

Уважаемый читатель!

Размещение полного текста Данного произведения невозможно в связи с ограничениями по IV части ГК РФ.

Эту книгу Вы можете почитать в Оренбургской областной универсальной научной библиотеке им. Н.К. Крупской по адресу: г. Оренбург, ул. Советская, 20; тел. для справок: (3532) 61-60-26